

В. Г. Демаков

«КАЗАКАМЪ МИЯСКОЙ СТАНИЦЫ», ИЛИ СУДЬБА ОДНОГО МОНУМЕНТА

В 2014 году исполняется 110 лет со дня начала Русско-японской войны на Дальнем Востоке и 105 лет с момента установки в станице Миасской памятника казакам — участникам этих исторических событий.

Ранним утром 27 января 1904 года (здесь и далее даты даны по старому стилю) в частях русской армии была получена депеша: «Около полуночи с 26-го на 27-е января японские миноносцы произвели внезапную минную атаку на эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артур»¹. Так началась Русско-японская война.

Оренбургские казаки, как неотъемлемая часть русской армии, приняли в этой войне самое непосредственное участие. Уже 7 февраля последовало Высочайшее повеление о мобилизации Оренбургской льготной казачьей дивизии, состоящей из двух бригад, в составе 9, 10, 11 и 12-го Оренбургских казачьих полков². Самостоятельную боевую единицу составил также 1-й Оренбургский казачий полк.

День 16 апреля 1904 года был назначен первым для мобилизации — началось формирование казачьих частей³. Происходило это следующим образом. После получения в военных отделах приказа о мобилизации казаки объезжали станицы, извещая станичников. Затем мобилизованные съезжались в центр своего отдела (напомним, что Миасская станица входила в состав Третьего военного отдела, центром которого был Троицк), где им выдавалось оружие, после чего они отправлялись на сборный пункт. Для 11-го полка, в состав которого вошли казаки Миасской станицы, таким местом был назначен поселок Сосновский в 12 верстах от Челябинска⁴.

В 11-й Оренбургский казачий полк, состоящий из шести сотен, мобилизовались казаки пяти южноуральских станиц: Долгодеревенской, Еткульской, Миасской, Травниковской и Челябинской⁵. Казаки Миасской станицы вошли в состав 4-й и 5-й сотен полка, однако уже в ходе боевых действий они могли переводиться в другие сотни, поэтому такое деление достаточно условно. Командиром полка назначили уроженца станицы Нижнеуvelьской войскового старшину Михаила Григорьевича Гурьева, командиром 5-й сотни — подьесаула Петра Павловича Бородина⁶.

22 апреля М. Г. Гурьев произвел смотр сформированного полка, по случаю войскового

*Краевед И. В. Дегтярев возле
восстановленного памятника. 1967 г.
Из фондов Красноармейского краеведческого
музея имени В. К. Егорова*

Церковь Иверской иконы Божией Матери в селе Миасском. Август 2009 г. Фотография В. Г. Демакова

12-й полки) поступила в распоряжение отряда генерал-майора П. И. Мищенко, в составе которого участвовала в кровопролитных боях под Вафангоу 1–2 июня — фактически на следующий день после прибытия на фронт.

В июле 11-й полк вошел в состав 4-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта Н. П. Зарубаева. Еще более крупные бои, в которых участвовали оренбургские казаки, произошли в июле 1904 года под Ташичао и в ходе Ляоянского сражения (11–21 августа). Перед сражением у реки Шахэ казакам 11-го и 12-го полков удалось соединиться в отряд генерал-майора В. П. Грекова, в задачу которого входило охранение правого фланга русской армии на правом берегу Тайцзыхе.

Осенью 1904 года 1, 11 и 12-й Оренбургские казачьи полки вошли в состав 3-й Маньчжурской армии, а в конце ноября были переданы во 2-ю армию, в составе которой находились до окончания боевых действий⁹. В начале января 1905 года многие казаки отличились в сражении под Сандепу. В феврале того же года все без исключения оренбургские казачьи полки участвовали в сражении под Мукденом. Последними для казаков 11-го полка в этой войне стали стычки с японцами 1 августа 1905 года¹⁰.

23 августа 1905 года Портсмутский мирный договор поставил точку в одном из самых кровопролитных локальных конфликтов XX столетия — Русско-японской войне. 26 ноября 1905 года оренбургским казакам за самоотверженную службу была объявлена Высочайшая благодарность¹¹. Уже в декабре первые части Оренбургской льготной казачьей дивизии стали отправляться на Родину: в конце месяца первый эшелон оренбуржцев отбыл в Россию.

Одиннадцатый Оренбургский казачий полк покинул Маньчжурию 13 февраля 1906 года. 9 марта казаки прибыли в поселок Сосновский и вскоре после этого вернулись в родные станицы¹². 30 июля 1911 года нижним чинам 11-го и 12-го полков были пожалованы знаки на головные уборы с надписью «За отличие в войну с Японией в 1904 и 1905 годах»¹³. За проявленное в боях мужество и храбрость многие казаки Миасской станицы были пожалованы знаками отличия Военного ордена (с 1913 года назывались Георгиевскими крестами). Вот лишь несколько таких примеров.

Младший урядник 5-й сотни *Прокопий Кашиников* награжден знаком отличия Военного ордена четвертой степени за мужество и храбрость, проявленные им в боях с японцами 11, 12, 15 и 16 июля у Ташичао и Билусы¹⁴.

Казак 5-й сотни *Александр Первых* награжден знаком отличия Военного ордена третьей степени за то, что 15 августа 1904 года, будучи в цепи, прикрывавшей своим огнем отступление нашей пехоты, тяжело раненный в живот, остался в строю до конца, подавая тем самым пример мужества и храбрости¹⁵.

Вахмистр 5-й сотни *Иван Севастьянов* награжден знаком отличия Военного ордена третьей степени за то, что во время рекогносцировки 2 октября 1904 года деревень Питхайцзы и Хоанды вынес к своим смертельно раненого хорунжего Александра Андреевича Кирьякова — уроженца Травниковской станицы¹⁶. Кирьяков был доставлен на

праздника — дня Георгия Победоносца — был отслужен молебен. Следующие пять дней казаки упражнялись в стрельбе и рубке шашкой, после чего полк отправился к месту посадки — на железнодорожную станцию Челябинск, откуда тремя эшелонами отбыл в Маньчжурию.

31 мая 1904 года полк прибыл на Дальний Восток в следующем составе: 34 офицера, 976 строевых и 96 нестроевых нижних чинов⁷. На станции Ташичао командующий армией генерал-адъютант А. Н. Куропаткин, осмотрев бивак 11-го Оренбургского казачьего полка, «людей нашел молодцами, лошадей в отличных телах»⁸.

Почти сразу вся 2-я бригада (11-й и

перевязочный пункт, однако в тот же день от полученных травм скончался¹⁷. Это был первый и единственный офицер полка, погибший в Маньчжурии. Его фамилия высечена первой на памятниках, установленных в станицах Травниковской и Миасской (на последнем он — видимо, по ошибке — назван сотником). Интересная деталь: Высочайшим приказом от 12 ноября 1904 года хорунжий А. А. Кирьяков был пожалован орденом Святой Анны четвертой степени с надписью «За храбрость»¹⁸, но поскольку в дореволюционной России было не принято награждать орденами посмертно, 25 ноября вышел приказ об исключении Александра Андреевича из наградных списков¹⁹.

Казак 5-й сотни *Василий Черкасов* награжден знаком отличия Военного ордена четвертой степени за мужество и храбрость, оказанные им во время разведки в тылу японцев 17–27 декабря 1904 года²⁰.

Вахмистр 5-й сотни *Иван Воронцов* награжден знаком отличия Военного ордена третьей степени за то, что 23 февраля 1905 года во время боя был выслан с разездом из деревни Сяогоуза для разведки противника и, несмотря на то что был ранен в ногу, оставался на своем посту и давал точные сведения о движении неприятеля²¹.

Младший урядник 5-й сотни *Федор Загвоздин* награжден знаком отличия Военного ордена четвертой степени за то, что во время рекогносцировки 29 мая 1905 года, выбивая японцев в пешем строю из фанз и заметив на поле наших раненых, сел на коня и под огнем противника вывез с поля боя двух тяжело раненых солдат и тело убитого подпоручика Острякова²².

Казак 5-й сотни *Михаил Лыков* награжден знаком отличия Военного ордена четвертой степени за то, что 2–8 июля 1905 года, вызвавшись сопровождать сборную сотню во время разведки, вместе с ней ходил в атаку под деревню Гудзяцза, под огнем неприятеля перевязывал раненых и отвозил их в безопасное место; своим хладнокровием, распорядительностью и храбростью подавал пример остальным²³.

Казаки связывали войну не только с потерей близких, но и с героизмом, славой и доблестью. Через несколько лет после окончания войны в целях увековечивания памяти о героях в некоторых населенных пунктах Южного Урала были поставлены памятники. Так, в 1908 году на кладбище Юрюзанского завода Уфимской губернии²⁴ установлена мемориальная часовня, в 1909 году казаки-однополчане поставили памятники в станицах Миасская²⁵ и Степная²⁶, 4 июля 1910 года торжественно открыли монумент в станице Травниковской²⁷. Два из них — в нынешних селе Миасском и Травниках — донесли до нас имена более 250 казаков — участников трагических событий, развернувшихся на Дальнем Востоке 110 лет назад.

В Миасской станице памятник изготовили на пожертвования казаков и установили в самом центре — на войсковой площади, вблизи храма Ильи Пророка (сегодня церковь в честь Иверской иконы Божией Матери). Он представляет собой стелу из серого мрамора, состоящую из двух прямоугольных блоков, поставленных один на другой, причем нижний — немного большего размера, то есть шире верхнего (размеры нижнего блока 96×91×73 сантиметра, верхнего — 68×63×180 сантиметров). Общая высота монумента — около трех метров. На четырех гранях его в небольших нишах-углублениях высечены имена, фамилии и воинские звания казаков — участников Русско-японской войны, — убитых, умерших от ран, пропавших без вести — всего более семидесяти фамилий.

Установить авторство монумента сегодня не представляется возможным, так как никаких

*Общий вид монумента казакам.
На заднем плане справа — здание бывшего
станционного правления. Август 2009 г.
Фотография В. Г. Демакова*

Старая площадь Миасской станицы (ныне застроена). Сентябрь 2010 г. Фотография В. В. Гирника

документов, которые могли бы пролить свет на этот вопрос и, вероятно, хранились до революции в станичном правлении, до наших дней не сохранилось. Уничтожены и практически все документы Третьего военного отдела. Судя по тому, что миасский памятник из всех перечисленных выше — самый высокохудожественный по исполнению, можно предположить, что работал над ним профессиональный резчик по камню. Никаких сведений о дореволюционном периоде существования монумента до нас также не дошло. Ответов на все эти вопросы, по всей видимости, не удастся получить уже никогда.

Революция и Гражданская война серьезно деформировали традиционные представления и понятия. Казаков попрекали за поддержку Белого движения, постоянно обвиняли в антисоветских настроениях. Были запрещены к употреблению слова, напоминавшие о принадлежности их к бывшему сословию. Не стало былого уважения к старшим, к боевым наградам, подвигам и могилам предков. Молодежь не желала жить прошлым своих отцов. После революции монумент пришел в запустение, а в 1930-х годах вообще был разрушен, отдельные его части брошены в разных местах. Слухи же о том, что памятник долгое время «валялся на берегу реки», по-видимому, не имеют под собой никаких оснований. По крайней мере, эту версию современные исследователи не поддерживают.

В 1967 году, во многом благодаря стараниям краеведов И. В. Дегтярева и В. К. Егорова, памятник был частично отреставрирован и установлен на массивном (около 80 сантиметров высотой) бетонном основании в сквере, разбитом несколько южнее здания бывшей Пророко-Ильинской церкви (с 1952 года его занимал районный Дом культуры)²⁸. В отношении даты установки монумента существуют некоторые разногласия: так, в своих ранних работах В. К. Егоров указывал 1966 год²⁹. В фондах Красноармейского краеведческого музея, носящего ныне его имя, хранится фотография тех лет, на которой рядом с восстановленным памятником запечатлен южноуральский краевед Иван Васильевич Дегтярев.

В связи с празднованием 250-летия села Миасского в августе 1986 года памятник был перенесен на противоположную, южную сторону старого сквера (примерно на 90 метров) и установлен недалеко от здания бывшего станичного правления (в 1997 году в нем был открыт краеведческий музей). Тогда же по соседству с этим монументом торжественно открыли памятный знак в честь закладки Миасской крепости в 1730-е годы, в основание которого вмуровали капсулу с обращением к потомкам — жителям села

2036 года³⁰. Местный поэт З. С. Ильиных тогда же написал песню о станичниках, посвященную их участию в Русско-японской войне³¹:

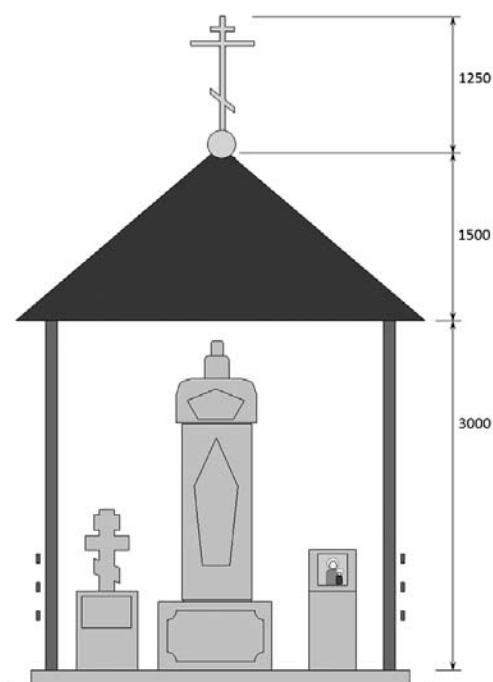
По Миасской по станице
Весть печальная летит:
Казакам-то разночинцам
Под ружье вставать велит.
«Эх, да конники лихие,
Дружно собирайтесь вы,
С атаманом удалыя
На защиту Родины!
Враг коварный и жестокий
На страну родну напал.
Желтолицый, узкоокий
Враг наш смертный — самурай».
Атаман собрал все войско,
В Оренбург его повел
И с другими всенародно
Защищать страну пошел.
Бились долго с самураем —
День и два и много дней,
Положили их немало.
Только враг нас одолел.
Сколько кровушки народной
Пролилося в той войне...
Памятник бойцам-героям
С той поры стоит в селе.

До знаменательной даты — 300-летия села Миасского — памятникам здесь простоять не удалось. В связи с рытьем котлованов под фундаменты двух пятиэтажных жилых домов на месте основательно запущенного к этому времени сквера осенью 2010 года монументы перенесли в очередной раз³² и установили в юго-западном углу центральной площади (на 160 метров западнее прежнего места), в окружении молодых елей.

В 2013 году на имя главы Красноармейского района Ю. А. Сакулина поступило обращение прихожан местной церкви за подписью благочинного Миасского сельского округа иерея Евгения Новокрешинова с просьбой вернуть памятник на прежнее место — к храму Иверской иконы Божией Матери³³. Тогда же была принята программа сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия, одним из пунктов которой стало выделение значительной денежной суммы на ремонт памятника героям Русско-японской войны³⁴.

В настоящее время предполагается создать внутри церковной ограды небольшой мемориальный комплекс, причем центральным объектом его должен стать старый памятник, вершину которого украсит отлитый из металла парящий орел — символ воинской доблести. К северо-востоку от храма будет построена небольшая часовня, представляющая собой беседку на четырех металлических опорных столбах

*Проект мемориального комплекса.
2013 г. Иллюстрация предоставлена
иереем Евгением Новокрешиновым*

с небольшим ограждением с трех сторон. Верх часовни будет четырехскатным, покрытым синим железом и увенчанным позолоченным православным крестом. В часовню и установят монумент, что должно значительно снизить неблагоприятное воздействие на него атмосферных явлений. Здесь же планируется разместить и памятный знак основателям Миасской крепости, а также выполненную на черном мраморе Порт-Артурскую икону Божией Матери.

Из-за долгого отсутствия какого-либо ухода и небрежного обращения с памятником многие надписи на нем сегодня едва различимы, практически по всей поверхности отмечаются сколы и выбоины. По воспоминаниям старожилов, еще сорок лет назад все надписи достаточно хорошо прочитывались, сейчас же сделать это затруднительно. Утерян и мраморный крест, венчавший, по воспоминаниям, верх монумента до его разрушения в 1930-х годах³⁵.

Возрождение казачества в Челябинской области началось в начале 1990-х годов, одновременно с государственными преобразованиями и демократизацией жизни в стране. 22 марта 1992 года вошла в состав восстановленного Оренбургского казачьего войска и Миасская станица. В мае того же года казаки отметили войсковой праздник — день Георгия Победоносца, у подножия памятника впервые за долгие годы появились живые цветы.

В середине 1990-х годов по поручению атамана Миасской станицы Николая Петровича Шумова студенткой исторического факультета Челябинского педагогического института Ольгой Климовой была предпринята попытка «восстановить» текст мемориальной надписи, сделанной на памятнике более века назад. Результаты этой работы были опубликованы в районной газете «Маяк» от 19 августа 1995 года в статье с говорящим названием «Дань памяти и уважения»³⁶.

К большому сожалению, опубликованный материал содержит большое количество неточностей и явных ошибок, в некоторых местах он значительно отличается от оригинала. Так, в нескольких случаях неверно прочитаны звания («прапорщик» вместо «приказный»), имена (например, «Александр» вместо «Алексей») и фамилии («Панов» вместо «Лыков», «Курочкин» вместо «Кузьмин», «Ваторопин» вместо «Вторушин») казаков, в результате чего возникает путаница. Еще у Климовой сказано: «Без вести пропавшие: Михайлов, Егоров, Анфалов 29 лет»³⁷, то есть указаны три разных человека, на самом деле это имя, отчество и фамилия одного человека — Михаила Егоровича Анфалова. Список подобного рода неточностей можно продолжить. Всеми последующими исследователями вышеназванный материал принимался за истину в последней инстанции, неоднократно перепечатывался в полном объеме³⁸, причем последний раз совсем недавно — в сентябре 2013 года³⁹, фрагменты же заимствовались авторами различных публикаций, в результате чего ошибочные сведения попали во множество изданий.

После нескольких выездов автора этих строк к монументу ценой невероятных усилий все же удалось прочесть максимально достоверно текст мемориальной надписи и устранить неточности, допущенные предыдущими исследователями. Необходимо отметить, что у некоторых казаков указаны не полные имена, а инициалы, поэтому они, по мере возможности, были выверены по составленному в 1907 году «Списку нижним чинам 3-го военного отдела Оренбургского казачьего войска, удостоившимся получить знаки отличия Военного ордена за время русско-японской войны», содержащему 450 фамилий казаков 11-го и 12-го полков⁴⁰, а также по уже успевшему стать библиографической редкостью справочнику «Знак отличия Военного ордена Св. Георгия. Списки пожалованным за русско-японскую войну 1904–1905 гг.». Ниже они приводятся полностью, без каких-либо оговорок (текст воспроизведен в соответствии с правилами современной орфографии, но с сохранением стилистических особенностей оригинала).

Надпись на северной стороне стелы: *«Сей памятник поставлен в 1909 году на добровольные пожертвования казаками Миасской станицы, бывшими в 4-й и 5-й сотнях 11-го Оренбургского казачьего полка, в память русско-японской войны 1904–1905 гг. Полк находился под командой командира полка полковника Гурьева, командира 5-й сотни есаула Бородина.*

Список казакам Миасской станицы, убитым, умершим и пропавшим без вести в 11-м Оренбургском казачьем полку во время русско-японской войны. Убитые: сотник Александр Андреевич Кирьяков; казаки: Степан Гаврилович Черкасов 28 лет, Павел Александрович

Заплатин 29 лет, Петр Иванович Анфалов 28 лет, Яков Филиппович Смолин 25 лет, Николай Яковлевич Кошигин, Александр Васильевич Харин 28 лет».

На западной стороне: «Умершие: Василий Васильевич Кузьмин 26 лет, Владимир Петрович Распопов 28 лет, Павел Леонтьевич Стариков 8 ноября 1908 года, Илья Яковлевич Пашнин. Без вести пропавшие: Михаил Егорович Анфалов 29 лет, Федор Герасимович Малков 26 лет.

Список оставшимся живым: Андрей М. Сафонов, Дмитрий Яковлевич Шумов, Ан. А. Пашнин, кавалер Николай Никитич Ильиных, Лев Шумов, Степан Васильевич Козырев, Алекс. Иванович Обухов, Матвей Анфалов, урядник Степан Соколов, приказный Степан Гаврилович Казанцев; приказный, кавалер Егор Шумов, Михаил Михайлович Шумов, Андрей Леонтьевич Пашнин; урядник, кавалер Григорий Михайлович Чернявских, кавалер Александр Первых, урядник Федор Михайлович Курочкин, Алек. Афанасьевич Щелканов, Петр Федорович Шумов, Константин А. Худяков, М. Сафонов; медицинский фельдшер, кавалер Василий Степанович Пашнин».

На южной стороне: «Список оставшимся живым нижним чинам Миасской станицы, бывшим в 11-м и 12-м Оренбургских казачьих полках. Медицинский фельдшер Василий Григорьевич Акинфин и ветеринарный фельдшер Михаил И. Лопатин, приказный Степан И. Заплатин, Н. Ф. Поздеев, Петр Григорьевич Богданов, Василий Афанасьевич Черкасов, Михаил Федорович Лыков, Павел Васильевич Кузьмин, Егор Трофимович Стариков, Семен Федорович Сафонов, Иван Иванович Сафонов, Семен Иванович Малков».

На восточной стороне: «В живых оставшиеся вахмистры и урядники 4-й и 5-й сотен 11-го полка. Вахмистр Григорий Степанович Пашнин, Иван Ник. Воронцов, Прокопий Иванович Кашиников.

Урядник, кавалер Евгений Степанович Воронцов; урядник, кавалер Григорий Андреевич Коптеев, Андрей Федорович Черкасов, Илья Канашев, Михаил Михайлович Черкасов, Григорий Федорович Шумов, Федор Петрович Загвоздин, Алексей Михайлович Васильев, Василий Семенович Курбатов, Степан Петрович Шевяков, Алексей Дмитриевич Устьянцев. Казаки: Алексей Иванович Пермьяков, Андрей Филинских, Еким Иванович Поздеев, Александр Петрович Вторушин; урядник, кавалер Дмитрий Николаевич Казанцев, Иван Иванович Пашнин, кавалер Алексей Антонович Евсеев, Михаил Афанасьевич Пашнин; урядник, кавалер Яков Васильевич Пашнин, Григорий Ник. Филинских, Аркадий Гаврилович Черкасов, Николай Васильевич Анфалов».

Наличие имен погибших и живых на этом памятнике имеет двойное значение: с одной стороны, он увековечивал имена павших в боях, призывал поминать их, с другой — прославлял подвиги живых. Встретить подобное на более или менее современном мемориале — редкость, помним мы только имена павших, да и те, к большому сожалению, далеко не всегда.

Сегодня уникальный монумент оказался, по сути, ничьим: он не числится ни на чьем балансе, его нет ни в перечне выявленных объектов культурного наследия, не входит он и в перечень памятников регионального и федерального значения. Нужно заметить, что монумент в селе Травники постановлением Законодательного Собрания Челябинской области от 26 июня 2008 года был внесен в единый госреестр объектов культурного наследия. Миасскому остается только ждать своего часа...

Автор выражает благодарность сотрудникам Красноармейского краеведческого музея имени В. К. Егорова (село Миасское), специалисту по сохранению исторического и культурного наследия при управлении культуры Красноармейского района Владимиру Гирнику (Миасское), кандидату исторических наук Владимиру Семенову (Оренбург), исследователю Сергею Купрюшкину (Кемерово), сотрудникам ОГАЧО, а также священнику храма Иверской иконы Божией Матери села Миасского иерею Евгению Новокрещинову за содействие при подготовке настоящей статьи.

Примечания

¹ Иллюстрированная летопись Русско-японской войны (с 24-го января по 21-е февраля 1904 г. включительно). Вып. 1. СПб., 1904. С. 11.

² Семенов В. Г. Оренбургские казаки в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Гостиный двор (Калуга). 1995. № 1. С. 167.

³ Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945 : биограф. справ. М., 2007. С. 24.

⁴ Чуйкин Н. На сопках Маньчжурии // Маяк (Миасское). 1992. № 89 (29 авг.). С. 3.

⁵ ОГАЧО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 70. Л. 31 об.

⁶ Ганин А. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 184, 130.

⁷ Ганин А. В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008. С. 206.

⁸ Там же. С. 201.

⁹ Там же. С. 223.

¹⁰ Чуйкин Н. Указ. соч.

¹¹ Семенов В. Г. Указ. соч. С. 171.

¹² Чуйкин Н. Указ. соч.

¹³ Казачьи войска: Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. СПб., 1912. С. 245.

¹⁴ Знак отличия Военного ордена Святого Георгия. Списки пожалованным за русско-японскую войну 1904–1905 гг. М., 2006. С. 343.

¹⁵ Чуйкин Н. Указ. соч.

¹⁶ Знак отличия Военного ордена... С. 182.

¹⁷ Ганин А. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 271.

¹⁸ Иллюстрированная летопись Русско-японской войны (с 1-го по 30-е ноября 1904 г. включительно). Вып. 10. СПб., 1905. С. 23.

¹⁹ Там же. С. 59.

²⁰ Знак отличия Военного ордена... С. 1402.

²¹ Там же. С. 182.

²² Там же. С. 1421.

²³ Там же. С. 1402.

²⁴ Ныне г. Юрюзань Катав-Ивановского района Челябинской области.

²⁵ Ныне с. Миасское Красноармейского района Челябинской области.

²⁶ Ныне с. Степное Пластовского района Челябинской области.

²⁷ Ныне с. Травники Чебаркульского района Челябинской области. О памятниках Русско-японской войны на Южном Урале см.: Антипин Н. А. Южноуральцы в войне 1904–1905 годов // Моск. журн. История гос-ва Рос. 2004. № 5. С. 33–38; *Он же*. Южноуральцы в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2005 / сост. И. Н. Пережогина и др. Челябинск, 2004. С. 142–147; Антипин Н. А., Семенов В. Г. Русско-японская война (1904–1905) // Челябинская область : энциклопедия: в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2006. Т. 5. С. 661–663; Антипин Н. А. Памятные места Русско-японской войны 1904–1905 гг. в Челябинской области // Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ЧелГУ / под ред. Т. В. Любчанской. Челябинск, 2006. Вып. 2. С. 96–97.

²⁸ Егоров В. Сказ о родном селе // Маяк (Миасское). 1996. № 59 (27 июля). С. 2.

²⁹ Егоров В. Прошлое и настоящее нашего села // Маяк (Миасское). 1976. № 71 (12 июня). С. 3; *Он же*. Родное село // Маяк (Миасское). 1986. № 42 (10 апр.). С. 2.

³⁰ Егоров В. Сказ о родном селе // Маяк (Миасское). 1996. № 60 (31 июля). С. 2.

³¹ Ильиных З. Песня о миасских казаках // Маяк (Миасское). 1986. № 94 (2 авг.). С. 3.

³² Могутева А. Благоустройство — визитная карточка райцентра // Маяк (Миасское). 2010. № 73 (18 сент.). С. 1.

³³ Гирич В. Возвращение блудного сына // Маяк (Миасское). 2014. № 9 (5 февр.). С. 2.

³⁴ Муниципальная программа «Сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия, расположенных на территории Красноармейского муниципального района на 2014–2016 годы». Миасское, 2013. С. 6.

³⁵ Егоров В. Исторические памятники // Маяк (Миасское). 1991. № 65 (8 июня). С. 3.

³⁶ Климова О. День памяти и уважения // Маяк (Миасское). 1995. № 66 (19 авг.). С. 2.

³⁷ Там же.

³⁸ Егоров В. Сказ о родном селе // Маяк (Миасское). 1996. № 60 (31 июля). С. 2; Красноармейский район: Тетрадь юного краеведа. Челябинск, 2011. С. 18–19.

³⁹ Фахурдинова Р. Дым Отечества // Маяк (Миасское). 2013. № 74 (25 сент.). С. 3.

⁴⁰ ОГАЧО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 62. Л. 30–36.